

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я не знаю тебя

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

Я тебя не знаю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189558

SelfPub; 2022

Аннотация

Женя прожила в браке с мужем более двадцати лет. У них три чудесные дочки. Но однажды она узнает о предательстве и измене мужа и они расстаются. Женя изо всех сил пытается построить новую жизнь, пока ей вдруг не звонят из больницы и не просят приехать за Кириллом, который получил травму и ничего не помнит. Что это? Насмешка судьбы или шанс начать все сначала? Ведь Женя по-прежнему любит Кирилла, но прощать его не намерена.

В оформлении обложки использована фотография автора konradbak (Konrad Bak) ресурс depositphotos. Лицензия 114811686.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Я тебя не знаю

ГЛАВА 1

Я никогда не задумывалась о том, что такое любовь. Зачем? Она у меня была – светлая, красивая, блестящая, как обертка шоколадных батончиков «маки» или «каракума». Помню, как всегда с каким-то снисходительным сочувствием смотрела на разведенных женщин или на тех, кто вступали в повторный брак. Мне казалось, они просто не боролись за свое счастье и вели себя неправильно в семейной жизни. Что значит – неправильно? Наверное, они не прощали своим мужьям мелких проступков, не умели уступать... у них был отвратительный секс, они запустили себя и так далее, и тому подобное. У меня было много надуманных причин, почему у них не сложилась семейная жизнь, а у меня все прекрасно.

Мне так казалось... Что у меня все прекрасно. Ведь я была замужем двадцать один год. Я была с ним вместе уже на четыре года больше, чем вообще жила сама, до него.

У нас трое детей, мы оба работаем на любимой работе, у нас нет проблем с деньгами, мы почти никогда не ссорились... До последних нескольких месяцев.

Я всегда считала себя счастливой. Да, именно счастливой

в полном смысле этого слова. Без оговорок, оглядок на пресловутое «но». Скучно, банально и отвратительно счастливой. Определенно отвратительно. Почему-то я сейчас могла сказать о своем счастье именно это слово. Оно заклинило у меня в голове, пока я медленно разрывала наши семейные фотографии на тонкие полоски.

Так бывает – живешь с человеком, считаешь его родным, почти сросшимся с тобой сиаемским близнецом, думаешь, что знаешь каждую его привычку, каждую родинку на теле, вкусы, предпочтения в еде и в музыке, и вдруг оказывается, что все это время ты жила в своей собственной сказке, в которой счастлива была только ты одна.

Я разорвала еще одну фотографию на кусочки и высыпала обрывки в мусорное ведро. Их были тысячи, этих снимков, где мы с Кириллом вдвоем или с нашими дочерьми. Я любила их фотографировать. Его и девочек. Фотография оставалась моим хобби и сейчас. Достала еще одно фото и даже не заметила, как по щекам катятся слезы, а снимок троеится перед глазами, как размазанный акварельный рисунок.

Мы вдвоем на нашей очередной годовщине, кажется, лет десять назад. У меня другой цвет волос, я на несколько килограммов худее и на лице на несколько морщинок меньше. И он... совсем не изменившийся, только седых волос еще нет на висках и немного тяжеловатого взгляда, как сейчас. А лицо такое же красивое с забавными морщинками в уголках глаз, родинкой у виска, в бело-черной рубашке, которую я

подарила ему на эту годовщину. Сколько раз я прижималась к той родинке губами и чувствовала пульсацию жилки под ними...

Внутри больно защемило, так больно, что я не могла вдохнуть, только рот широко открыла и тихо завывала, тонко, на высоких тональностях. Боже! За год можно было привыкнуть, что мы не вместе... Но я не привыкла и теперь отмечала нашу годовщину в одиночестве с бокалом вина и несколькими семейными альбомами. Обвела в календаре черным маркером дату 27 сентября и разревелась в голос, закрывая рот двумя руками, чтобы не разбудить девочек.

За двадцать лет пройдено так много: и развал его первого бизнеса, и тяжелые времена без дома, без денег, скитание по съемным квартирам и смерть его отца. Много всего, что могло бы сломать, разбить, пошатнуть наши отношения. И я свято верила в то, что после всего дерьма, которое мы хлебнули вместе, нас уже ничто не разлучит. Мы – это единое целое.

Вот там... на этом фото я еще не задумывалась о том, что он старше меня всего на пять лет, и что еще лет через десять он будет всего лишь сорокалетним красавцем, а я теткой бальзаковского возраста со следами былой красоты и ушедшей молодости. Я не задумывалась об этом и год назад, когда все еще спала у него на плече, и он называл меня своей маленькой девочкой, включал ночник, когда мне снились кошмары, а потом перебирал мои волосы или водил кончиками

пальцев по моему плечу, пока я не усну снова. Это ощущение любви, оно не могло быть фальшивкой... оно не могло мне казаться. Неужели человек может лицемерить до такой степени?

Я узнала, что он мне изменяет так банально, так шаблонно и обыденно, что мне даже стало смешно. Как будто мне подсунули все это специально. Забытый дома телефон, не стертая смска, не успел выйти из аккаунта в соцсети, потому что опаздывал на работу. Пока смотрела на их переписку, на эти пошлые словечки, намеки, подтексты, время свиданий, в голове нарастал треск и гул... я буквально физически чувствовала, как мое счастье разваливается на части, и я покрываюсь толстым слоем грязи и копоты. На мне словно выступает его ложь. Жирными, лоснящимися пятнами. Она даже имеет запах. Тошнотворную вонь мертвечиной. Это наша любовь умерла и завалилась непогребенная, пока я не нашла ее где-то в подворотне изрезанную и истоптанную тем, кто обещал, что она будет жить вечно.

И тогда я начала отматывать нашу жизнь назад, как киноленту, постепенно понимая, что не было в ней ничего идеального. Все произошло не сегодня и не вчера. Не неожиданно, как казалось мне, а вполне ожидаемо. Я оказалась скучной, серой, нудной женой, от которой сбежали в мир радужных красок и приключений. Да, у нас последнее время не ладилось. Но у кого бывает все хорошо всегда? Есть периоды недопонимания, отчуждения. Кто много лет живет в бра-

ке, поймет, о чем я. Это уже никого не настораживает. Это просто еще один этап и уровень. Нет, мы не ругались. Пора скандалов закончилась еще в первую пятилетку. Мы именно отделились. Кирилл приходил с работы все позже, перебрасывался со мной парой фраз и уходил к себе в кабинет, а я... я, наверное, должна была вести себя иначе, но я не лезла в душу. Может, стоило лезть? Тогда все это не было бы для меня таким ударом.

И теперь я каждый день думала о том, что все рушится, расплзается по швам, как лапша по тарелке. Он прокрутил наш брак через мясорубку самого циничного и в тоже время обыденного мужского предательства. Он раскрошил ее на осколки, а сам остался целым и невредимым, без единой царапины.

О таких, как я, всегда говорят с жалостливой усмешкой, о таких, как он, с нотками презрительного восхищения. Снисхождение к мужским недостаткам. В статьях и пабликах соцсетей сопли и слюни несчастных любовниц, к которым почему-то не уходят от старых сук жен. И толпы им сочувствующих таких же лицемеров, которые сами пока не стали чьи-то женами. «Бедный, несчастный, ему было так плохо, ему все надоело, и он не сдержался. Сколько можно терпеть под боком одну и ту же старую бабу, хочется молодого и сочного тела».

Так будет всегда. Мир отдан мужчинам. Им можно творить что угодно, они же самцы. Природа устроена так, что

они имеют право от нечего делать, от банальной скуки изодрать вам в клочья сердце и претендовать на прощение только потому, что не смогли удержать свой член в штанах и взобрались на сучку покрасивее и помоложе вас. От желания поесть пресловутого французского супа, когда дома подают осточертевший борщ. И еще, конечно же, в свое оправдание кричать, что любят-то они вас, а это так, случайно и ничего не значит.

Для них ничего не значит, а для нас? Для меня это стало точкой невозврата. Я бы многое могла ему простить, но не предательство, не планомерное, долговременное мерзкое предательство, после которого он приходил домой, прикасался ко мне и говорил, что любит. Проклятый лицемер.

Никто и никогда не думал, а каково это быть преданной спустя двадцать лет брака. Обыденно, да? Скучно и не интересно? «Ах, ей ведь тридцать восемь, ну понятно, что ему захотелось помоложе. Погуляет и домой вернется. Зачем из-за этого разваливать брак?». И меня начинает тошнить. Да, действительно, зачем? Ведь я уже никому не нужна, у меня трое детей, обвисшая кожа на животе, не стоячая грудь, целлюлит на заднице, тараканы в голове и... безумная, какая-то животная любовь-ненависть к проклятому предателю, который разодрал мою жизнь на «до» и «после».

Все считали, что я была должна его простить и молиться, чтобы он не ушел из дома. Держать его руками и ногами. Ради детей, ради денег и черт его еще знает ради чего. Так при-

нято. Многие так живут. А я не многие. Я – это я. И прощать не намерена. А он и не просил прощения.

Я порвала еще один снимок и швырнула туда же в мусорку. Зазвонил мой сотовый смешной, детской мелодией «мама для мамонтенка». Я на автомате потянулась к смартфону.

– Да, милая.

– Ма, я хочу остаться у Нелли еще на час.

Устало опустила руки и бросила взгляд на часы.

– Нет. Я не смогу тебя забрать, у меня сломалась машина, а я не хочу, чтоб ты шла домой сама.

– Если бы папа был с нами – он бы меня забрал.

Легкий укол, но прямо в сердце. Детская жестокость не знает границ.

– Ничего не мешает папе тебя забрать, даже когда он не с нами. Ты можешь ему позвонить.

– У него отключен телефон.

Значит, уже звонила. Сердце болезненно сжалось. Жалко детей. Они безумно по нему скучали с такой раздирающей душу тоской. Пусть он почти не бывал дома из-за работы, но он любил наших дочерей и был хорошим отцом.

Слово «был» резануло по нервам и вызвало першение в горле. Конечно, он и останется для них отцом, несмотря на наш развод. Да, это я так решила. Но от этого не менее больно. Потому что нести ответственность за свои поступки – мне и видеть упрек в глазах детей тоже мне, и слышать нотки ненависти в голосе свекрови тоже мне, и понимать, что это

я не умею прощать, и умолять остаться с нами. Это я делаю всех несчастными.

«Значит, Киру это было нужно. Ты – жена. Ты не додала. В измене виноваты оба. Будь умной, Женя... я прожила в браке больше тридцати пяти лет, я знаю, что говорю. Удержи его, старайся. Не разрушай семью».

Голос свекрови звучал в ушах снова и снова. И мой мысленный голос ей в ответ: «Ты и я – два разных человека. Ты смогла, а я не могу. Не могу жить с предателем. Думать о нем не могу, слышать не могу... Да и он от меня устал. Он даже не пытался что-то исправить».

– Мааам, ты уснула?

Поняла, что так и не дала дочери ответ и она все еще ждет на линии.

– Хорошо, оставайся на час и возьми такси. Будешь подъезжать к дому, позвони, я спущусь.

– Пополни мне мобильный.

– Пополню.

– Мам.

– А.

– У тебя все в порядке?

– Да. У меня все в порядке.

– Точно?

– Точно, моя хорошая. Жду тебя дома.

Я не стала ей говорить, что если бы ее отец оставил мне свою машину, то я бы сама за ней приехала. До такой мелоч-

ности я не опустила. Мы только начали делить имущество, и Кирилл забрал новую машину себе. Ему она нужна по работе, а у меня осталось старенькое «Рено», которое каждые пару месяцев попадало в ремонт. Это ужасно – говорить о таких вещах с тем, с кем мог одной и той же зубной щеткой чистить утром зубы, чью майку носил летом дома, наслаждаясь до боли родным и любимым запахом.

« – Вот скажи, Авдеев, как можно довести щетку до такого состояния? Ты ею трубы чистишь или зубы?

– Оставь в покое мою щетку, она только моя, и мне нравится, как она выглядит.

– Она похожа на дикобраза.

– Это значит, что я чищу зубы лучше, чем ты.

– Это значит, что ты зверствуешь, Авдеев.

– Дааа, Снежинка, я зверь. Скажи Авдеев – ты зверь.

– Дикобраз, насилующий зубные щетки.

– Только щетки?...»

Снова зазвонил сотовый, и я с раздражением увидела на дисплее номер свекрови «мама Света». Двадцать лет я называла её мамой. Сколько времени займет начать называть ее Светланой Владимировной? Года оказалось мало.

– Женечка, добрый вечер.

– Добрый вечер, – ответила я и разорвала очередную фотографию, на которой Кирилл показывал мне язык. Кажется, это было на море двенадцать лет назад, и я как раз была беременна Машей.

– Кирилл не звонил тебе на этой неделе?

– Нет, не звонил, – я с болью подумала о том, что самое трудное во всем проклятом расставании – это отвыкнуть от его звонков, его голоса, его присутствия в моей жизни. Отвыкнуть от мелочей, которые отработаны до автоматизма, и без них ты чувствуешь словно кого-то похоронила. Словно оплакиваешь мертвеца и понимаешь, что уже никогда не будешь с ним вместе, потому что он умер. Развод – это самое ужасное, что может пережить женщина. Пусть психологи говорят, что хотят, и эмансипированные феминистки тоже. Я знаю, насколько это больно после двадцати лет брака просыпаться в постели одной.

– Я начинаю нервничать. Не могу до него дозвониться. Такого никогда не было. Первые дня три я думала, что он занят с новым проектом, а теперь места себе не нахожу.

Всегда есть первый раз. Мне он тоже раньше не изменял... Не говорил, что ему уже давно тошно на меня смотреть, что его бесит, как я варю борщ, что ему опостытели мои кислые компоты, и вообще, он никогда не любил крепкий чай и его мутит от запаха моего парфюма.

– Позвоните Олегу. Может быть, он знает, где ваш сын.

– Я звонила. Олег тоже не общался с ним несколько дней. Сказал, что Кирилл должен был приехать к тебе, привезти бумаги о разводе. Он приезжал?

Я бросила взгляд на пухлый конверт, который все еще лежал на столе, и к которому я так и не смогла прикоснуться.

– Нет, не приезжал, – не знаю почему, но я ей солгала, – мам, вы ложитесь спать. Поздно уже. Может, он по работе за город поехал, и там нет связи. Помните, как в прошлом году. Он обязательно позвонит, как сможет.

Захотелось посоветовать ей позвонить Алине, его любовнице, но я не стала. Хотя у меня был номер ее телефона. Да что там – у меня был и адрес. Когда тебя предают, хочется знать ради чего. А точнее, ради кого это все. На кого тебя променяли... а еще – за что. Но ты получаешь ответ только на один вопрос – на кого... а «за что» всегда остается за кадром. До того момента, пока он сам не решит тебе все рассказать, но лучше бы ты этого не знала.

– Если он объявится – дай мне знать. В любое время, Жень.

– Вряд ли он позвонит мне, даже если будет при смерти.

– Зря ты так. Кирилл любил тебя, и ты для него не последний человек.

– Кирилл любил и любит только себя. Позвоните Аличке. У вас есть ее номер телефона? – не удержалась, прикусила язык, но уже поздно.

– Какой такой Аличке?

– Ну, его женщине.

– Женя, у Кирилла нет никаких других женщин. Я бы об этом знала.

Святая материнская наивность считать, что они все знают о своих детях.

– Я не хочу сейчас говорить об этом. Вы примите вальерьянку и ложитесь спать. Он объявится. Обязательно. Спокойной ночи.

– Жень, ты привези ко мне девочек в выходные, хорошо?

– Привезу. Не переживайте. Разводимся только мы с Кириллом, а не вы с внучками.

Я отложила смартфон в сторону и пошла проверить, как там девочки.

Маша уснула на диване, как и всегда перед телевизором, и, если бы муж был дома, он бы перенес ее в детскую. Для меня она уже слишком тяжелая. Я наклонилась к дочери, поправила золотистые пряди волос за ухо, принесла одеяло из ее комнаты и, укрыв ее, подоткнула со всех сторон. Она вечно раскрывается по ночам. Заглянула в детскую – Лиза тоже спит, обняла медведя и посасывает большой палец. Вспомнилось, как мы в третий раз ждали мальчика, я даже расстроилась на УЗИ, а Кирилл был рад. Он сказал, что девочки всегда папины. Это было шесть лет назад. Всего лишь шесть лет. А тогда он уже изменял мне? Как часто он предавал меня? С кем? О скольких таких Аличках я не знаю? Как я вообще ему могла доверять?

ГЛАВА 2

Прикрыла дверь в спальню младшей дочери и пошла на кухню ставить чайник. Проверила есть ли горячая вода и включила бойлер. Скоро вернется наша старшая и непременно

но пойдет в душ. Я бросила взгляд на часы и невольно поймала свое отражение в зеркале.

Мы видим себя каждый день, остаемся для себя все такими же, как и двадцать лет назад, а из зеркала на нас смотрит лицо, к которому привыкли, но другие видят, как мы меняемся. Им это заметно лучше. И я тоже увидела. На наших фотографиях. Какой была и какая я сейчас. Нет, не уродина, не старая, но уже не такая... присмотрелась и с ненавистью вырвала седой волос на виске. Пальцы пробежались по скулам и подбородку, разглаживая кожу. Без макияжа выгляжу на свой возраст, и полнота уже так быстро не уходит, несмотря на тренировки в спортзале. Третьи роды оставили свои следы на теле. Разве что лечь под скальпель, обколоться ботоксом, сделать липосакцию. Хотя у меня сейчас на это нет лишних денег. Я теперь мать-одиночка, даже несмотря на то, что Кирилл дает деньги на девочек и я работаю, их теперь у нас далеко не так много, как было раньше. Я предоставляю ему отчет о тратах и не беру себе ни копейки. А может, стоило все же подтянуть кожу вот здесь и здесь... и живот убрать. Может быть, тогда он не смотрел бы на других женщин. Такие мысли пришли в голову только сейчас... раньше я почему-то об этом не думала. Наверное, это моя вина. Нужно было думать. Нужно было не носить при нем в доме старую майку и шорты, не завязывать гульку на затылке, не ходить в «маске» для увлажнения кожи, брить ноги каждые два дня, прятать гигиенические прокладки подальше в

шкаф и просыпаться всегда покрашенной. Быть той самой оберткой от шоколадки. А мы всегда считаем, что если мужчина принадлежит нам, то больше не нужно заморачиваться и можно быть самой собой. Нельзя! Это не ваша мама и не ваша подружка. В один прекрасный день вы станете для него чем-то вроде предмета мебели, потому что выглядите именно так, как удобное, старое кресло, и почему бы его не поменять на новое, более красивое, с разными навороченными девайсами в виде силиконовой груди, наращенных ногтей и ресниц.

Мужчины любят конкуренцию. Им нужно здоровое соперничество. А мне на улице уже не смотрят вслед, не сигналият из автомобилей. Да, те, что постарше, еще обращают внимание... постарше лет на десять-пятнадцать. К таким разве ревнуют?

Я вдруг подумала о том, что, когда тебе далеко за тридцать, ты становишься кем-то средненьким, еще не старухой, но уже и не молодой. Ты все чаще думаешь о том, сколько лет еще ты будешь привлекательной и как долго будешь заниматься сексом? Когда у тебя начнется пресловутый климакс? И с того момента женщиной ты будешь только называться... И что самое обидное – с ними этого не произойдет. Они останутся мужчинами до самой старости, пока стоит член и есть желание трахаться.

Но почему? Неужели человек любит и хочет тебя, только пока ты похожа на модель и у тебя все упругое и стоячее.

Любит за внешность? И вот в этот самый момент ты начинаешь видеть истину – а никому ты не нужна со своими проблемами, лишним весом, морщинами, плохим настроением. Потеряй ты руку или ногу, тебя выкинули бы точно так же. И человек рядом с тобой не родной и близкий, а потребитель. И потреблял тебя, пока ты не сломалась или не истек срок годности, а потом поменял на другую модель, чтобы теперь потреблять ее. А тебя... тебя можно было бы и оставить про запас, чтоб иногда потряхнуть стариной и понастальгировать, но ты окончательно испортилась и отказалась работать по прежней схеме. То есть, по сути, сама все окончательно испаршивела. Значит, сама и виновата. И нет никакой любви до гроба. Нет верности. Нет доверия. Это вам не мама с папой и не ваши дети. Не обольщайтесь. Сейчас он рядом. Покупает вам шубу, пишет смски, называет «зайкой», бегает в магазин за прокладками, а завтра исчезнет из вашей жизни, чтобы покупать все это кому-то другому, потому что у нее грудь торчит торчком, попа круглее и смотрит на него как на Бога. А ты... ты то на него так никогда не смотрела, потому что сама этого Бога из него создавала.

Меня задушило приступом ненависти к нему. Едким, накрывающим с головой приступом ярости. Как он смел отобрать у меня двадцать лет жизни? Как смел предать тогда, когда это больше всего. Еще десять лет назад, когда мы сильно повздорили и я ушла к маме, а он вернул меня обратно, мне было двадцать восемь, и я могла устроить свою

жизнь, я все еще считалась молодой. Пусть многие скажут, что и в тридцать восемь – это молодость, что женщина в самом соку, что прям живи и радуйся жизни. Они либо оптимистки, либо дуры, что в принципе одно и то же. Это, конечно, неплохой метод борьбы с когнитивным диссонансом, но если в ваши тридцать восемь вас променяли на двадцатипятилетнюю свиристелку, то у вас возникает закономерный вопрос и вполне закономерный на него ответ. Почему, например, вас не променяли на пятидесятилетнюю? Смешно, правда?

Я распустила волосы и заправила их за уши. На шее поблескивала цепочка, подаренная им на день рождения в позапрошлом году. Рванула ее и, сжав в кулаке, смотрела себе в глаза. А ведь я его любила все эти годы. Об этом редко задумываешься. Через двадцать лет вас уже не шатает от страсти, и в животе не прыгают бабочки, а секс, скорее, четко отработанный механизм, работающий без сбоев. Муж превращается в кого-то типа родного брата или лучшего друга... Вы испытываете к этому человеку безграничную нежность, уважение, трепет, иногда желание... но оно уже мало напоминает то самое бешеное ощущение, которое он вызывал в вас пусть даже десять лет назад. И только когда вас предают, вы понимаете, насколько любили и насколько вам больно...

Вернулась в спальню и, судорожно выдохнув, невольно потянулась к конверту. Сейчас я просто устало распечатала и достала бумаги. Муж подписал документы о разводе. Я смот-

рела на его размашистую подпись, слегка корявую завитушку на букве «К» и вдруг поняла, что его рука дрогнула, когда он поставил последнюю жирную точку в нашем с ним браке. О чем он думал, когда расписывался? Думал о том же, что и я? Ему хотя бы немного было больно? Или мы на самом деле настолько чужие?

Я долго не верила, что их придется подписать, что он принесёт их мне и положит на стол, осматривая нашу кухню циничным взглядом, словно прикидывая, что еще можно у меня отобрать. Внутри образовалась пустота, дыра, кровоточащая незаживающая рана. Оторванные с мясом двадцать лет моей жизни, где я была счастлива, любила, смеялась... Вот и все, Авдеев... все кончено, и ты теперь свободен. Ты счастлив? Ты этого хотел, когда трахал ее на своем рабочем столе в кабинете, к которому мы с тобой вместе обдумывали дизайн?

А чтобы ты сказал, если б узнал, что я переспала с твоим лучшим другом на нашей с тобой постели, и теперь он таскается к нам домой с дурацкими букетами, носит конфеты для Лизки и лапает меня в своей машине, когда забирает домой из офиса. Ты бы разозлился? Скорее всего, нет. Ты ведь теперь тоже едешь к ней домой, не скрываешь ее от своих друзей и забираешь с работы. Хотя о чем это я – вы же вместе работаете. Как удобно, не правда ли?

Я медленно достала из подставки шариковую ручку и сжала ее в дрожащих пальцах. Пыталась и не могла подписать,

не могла, словно вот он последний шаг, который окончательно сделает нас чужими. Ведь для меня он все еще родной... я вижу его в наших дочерях, я ловлю себя на мысли, что всегда готовлю ужин на пятерых и по-прежнему записываю его любимую телепередачу, жду, когда ключ повернется в двери, и он скажет привычное: «Снежинка, я дома», а простить не могу. А еще все время думаю о том, что он женится на НЕЙ после нашего развода. О том, как ОНА ждет этих проклятых бумаг, чтобы отобрать его у меня окончательно.

Я отпустила его без истерик и слез. С каким-то ледяным равнодушием больше похожим на приступ сумасшествия. Он тогда вернулся с работы, чмокнул меня в губы, и мне показалось, что это не поцелуй, а какое-то поглаживание старой преданной собаки по голове. По привычке и по инерции. Такое безэмоциональное «чмок». Как почистить зубы или сходить в туалет. А ведь раньше могли прямо у дверей заняться сексом, когда меня уносило только от его запаха.

От него и сейчас пахло его парфюмом и сигаретами. Пахло улицей и бензином. Родной-чужой запах, я смотрела в его глаза и понимала, что совершенно не знаю вот этого высокого, худощавого мужчину с темными волосами и пронзительными голубыми глазами. Я вижу его впервые в жизни. Потому что он уходил из дома родным и любимым, а вернулся подонком, разрушившим нашу жизнь.

– Что с тобой?

– Ничего. Ужинать будешь?

– Я не голоден. Поел с партнерами на работе.

Сцепила пальцы сильнее в диком желании едко спросить у него, чем она кормит его в обед? Чем таким, мать его, из того, что не готовлю для него я. Именно сейчас он казался мне красивым даже с этой его бородой, которая мне никогда не нравилась, но его это особо не волновало.

Да, казался мне ненавистно, отвратительно красивым и чужим. Настолько чужим, что внутри начинало жечь от боли каждый нерв. Наверное, влюблен в нее, поэтому и красив. Влюбленные всегда светятся изнутри.

– Дети уже спят?

– Да, давно.

Я пошла в комнату за его вещами, пока он мыл руки в ванной, и когда вынесла чемодан, его глаза округлились.

– Не понял.

– Ты уезжаешь сейчас жить к маме, другу или к твоей Аличке. Детям я скажу, что у тебя командировка. Мы обсудим этот вопрос в другой день, когда я буду готова обсуждать его спокойно.

– Снежинка, – лицо мужа скривилось, как от зубной боли.

– Женя. Теперь не снежинка. Забирай вещи, Кирилл, и уходи. Без истерики, без разборок. Имей мужество просто уйти.

– Я так понимаю, ты порылась в моем телефоне и сделала свои выводы? – прозвучало смешно и фальшиво.

– Избавь меня от объяснений. Уходи. Я хочу, чтоб ты

ушел.

– Значит, уже все решила?

– Решила. Убирайся из этого дома и из моей жизни.

– Я и Алина...

Предостерегающий жест... только не ее имя сейчас. Не надо нажимать на спусковой крючок. Не надо меня сводить с ума разговорами о твоей двадцатипятилетней любовнице. Божеее! Банальней и не придумаешь. От омерзения вздрогнула.

– Просто уйди. Сейчас. Я больше не хочу тебя видеть. Я требую развода.

– Это было твое решение. Всегда помни об этом!

– Конечно, мое. Тебе было бы удобней сидеть одной задницей на двух стульях.

– Не было бы. Я бы и сам ушел от тебя, Женя.

– Что ж тянул? Не нашел удобного момента? Вот и убирайся сейчас! Я облегчу тебе задачу.

Тогда он ушел без скандала.

Это потом в разговорах с нашими друзьями он называл меня бесчувственной сукой, которая перечеркнула весь наш брак из-за одной его ошибки. Он говорил, что я сама приползу к нему на коленях и что он счастлив избавиться от меня, потому что его тошнило даже от звука моего голоса. Он говорил, что я останусь одна, потому что я никому не нужна с тремя детьми, и что я должна смотреть в зеркало повнимательней, чтобы видеть, в кого я превратилась, и что у него

стоит на меня раз в неделю, и то потому что хочется хотя бы кого-то.

Грязная ложь... он брал меня так часто, как хотел... А хотел каждый день. Даже в те моменты отдаления... у нас был секс. Да, почти каждый день, и именно поэтому я бы никогда не подумала, что он так подло меня предает. Что он трахает свою любовницу в рабочее и в не рабочее время, что он пишет ей долбаные смски. Я получила распечатку его звонков и сообщений. Везде ее номер.

Он меня бил. Низко, грязно и больно бил. Как он смел говорить это нашему общему другу, как вообще смел обсуждать меня с кем-то из них? Он рыл между нами пропасть глубиной в мою бесконечную ненависть и отчуждение. Я не верила, что все эти годы жила с человеком, способным сказать обо мне все это. Не в глаза, нет, а за спиной. Подло, мерзко и так отвратительно. Я никогда его не знала по-настоящему. И в этих бумагах, где забирал себе то, что считал своим..., наверное, это ломает сильнее, чем само предательство. Вот эта дележка имущества. Когда мелочно забираются какой-то диван или фотокамера, когда вспоминается кто и что покупал.

Нам только кажется, что мы знаем людей. Свое истинное лицо они показывают только тогда, когда мы гладим их против шерсти или наступаем им на горло.

Я смотрела на его размашистую подпись на бумагах и почувствовала, как по щекам снова потекли слезы. В этот мо-

мент зазвонил мой сотовый. Наверное, Алиска приехала домой.

– Добрый вечер. Я прошу прощения за беспокойство. Меня зовут Антон Валерьевич Соловьев. Я главврач травматологического отделения больницы номер восемь в областном центре города Как вас зовут?

– Евгения Павловна, а что случилось?

Город, который он назвал, на расстоянии трехчасовой езды на машине от нашего.

– К нам привезли мужчину с травмой головы, без документов, и мы нашли в кармане его куртки номер вашего телефона. С припиской «дом». Вы могли бы приехать и опознать его?

Внутри что-то словно оборвалось, и я схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

« – Что ты там распахиваешь мне по карманам?

– Резинки, Авдеев, чтоб не заболел бякой и мне домой не принес.

– Ты дура, да?

– Нет. Трезво смотрю на вещи.

– Не трезво, а по-бабски. Так что ты туда положила, Снежинка?

– Авдеев – ты склеротик, и не помнишь ни одного номера телефона наизусть. Вот случится что, ты даже нам не позвонишь. Я всем вам в карманы курток положила свой номер. Написанный на бумажке. Дешево, сердито и надежно.

– Поцелуй меня очень сердито, и я пошел».

– Этот мужчина... он мертвый? – хрипло спросила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

– Нет. Он живой. Недавно пришел в сознание. Легкое сотрясение мозга. Но он ничего о себе не помнит. Так вы приедете?

Я несколько секунд смотрела на свое отражение в зеркале и потом ответила:

– Да. Конечно, я приеду.

ГЛАВА 3

Я нервничала. Так сильно нервничала, что мне казалось, по телу градом течет пот, и Славик, наверняка, чувствует неприятный запах. Мне всегда так казалось, когда я переживала. Потому что становилось жарко. Видимо, поднималось давление. Дома я сразу принимала душ и обрызгивалась дезодорантами. Я ужасно чувствительна к разным запахам и не могу спокойно стоять рядом с человеком, если мне не нравится его запах.

Но потом от меня не пахло, пахло туалетной водой от «Нина Риччи», которую, оказывается, мой муж всегда ненавидел, и бальзамом для волос, потому что я вымыла голову перед выходом из дома.

– Когда он тебе позвонил? – с какими-то странными нот-

ками в голосе спросил Славик, и я наконец-то на него посмотрела. Бледный, слегка сонный, растрепанный. Пару пуговиц застегнул неправильно. Все же я его разбудила, хотя он и отрицал.

– Где-то час назад.

– Это может быть и не Кирилл, так что успокойся. Трясешься вся.

– Они нашли в кармане его куртки мой номер телефона.

Славик бросил на меня обеспокоенный взгляд и снова посмотрел на дорогу. Он был нашим старым другом. Точнее, другом Кирилла. Развелся лет одиннадцать назад и иногда приходил к нам со своей дочерью Полиной в гости. Она на пару лет младше нашей Алиски. С моим мужем они поссорились сразу после того, как тот ушел из дома. Я, конечно, подозревала, что из-за меня, но Славик отрицал. Он сказал, что Кирилл подставил его с бизнесом, и теперь им не о чем больше говорить. Я была склонна в это поверить. Сейчас. Раньше я бы даже не могла предположить, что мой муж может кого-то подставить. И да, именно с этим другом у меня случился роман. Это он таскал мне букеты роз и иногда оставался у нас ночевать. Только так, чтоб дети не видели.

– Они сказали, что у него серьезные травмы и он ничего не помнит.

– И что теперь? Ты побежала по первому зову?

Он вырулил на трассу и включил музыку в приемнике.

– А кто к нему должен побежать? Позвонили ведь мне.

– Например его мать или та телка, с которой он трахается. Прости... Просто после всего, что произошло, ты не должна была ехать. Вы уже год не живете вместе.

Внутри возникло отвратительное чувство, что мы говорим не о моем муже, а о каком-то ублюдке, который не стоит даже того, чтобы к нему приехали в больницу... Впрочем, так оно и было. Он вел себя, как последний ублюдок. Но... знаете, это очень странное чувство. Одно дело, когда ты сама обзываешь бывшего последним козлом и тварью, и совсем другое, когда это делает кто-то другой, посторонний. Кажется, что он оскорбляет и тебя саму, ведь это был твой выбор. Ты с этим козлом прожила двадцать лет, а значит, принимала его со всеми отвратительными недостатками. Я вдруг пожалела, что позвонила Славику. Надо было просто вызвать такси и никому ничего не говорить.

– Прости, что тебе приходится туда ехать со мной вместе. Моя машина сломалась, а на такси не хотелось.

Славик усмехнулся, продолжая смотреть на дорогу.

– Сказала так, будто мы чужие люди. Я рад помочь, Жень. Ты же знаешь. Только попроси...

Знаю. И всегда знала. Славик был ко мне равнодушен еще с нашего знакомства на дне рождения у Кирилла. Но если раньше, пока мы жили с мужем, он этого старался не показывать, то, как только мы расстались, он перестал скрывать свои эмоции. Поначалу это ужасно смущало. Мне было как-то странно воспринимать Славика, как нечто большее, чем

друга семьи. Да и он мне не нравился, как мужчина никогда. Слегка полноватый, с выпирающим пивным брюшком и залысинами на лбу, чуть ниже меня ростом. Они одного возраста с Кириллом, а кажется, Славик лет на десять его старше. Меня всегда слегка подташнивало от полноватых мужчин. Правда, моя подруга Любка говорила, что мне стоило бы присмотреться к Славику – у него своя сеть супермаркетов и три магазина автозапчастей (два из них мой муж пытается у него отжать). И он в меня влюблен. Я могла бы кататься как сыр в масле.

Но мне не хотелось тогда ни к кому присматриваться, я тосковала по мужу. Да, по подонку, ублюдку и козлу. Я тосковала по нему каждую секунду и по ночам спала на его подушке, стараясь представить, что он рядом. Оказывается, я настолько привыкла засыпать у него на плече, что у меня заняло больше месяца привыкнуть к тому, что теперь придется спать иначе и только самой. Иногда я забирала к себе кого-то из детей, потому что это было невыносимо. Или старшая дочь приходила сама, слыша, как я тихонечко рыдаю. Она молча ложилась рядом, обнимала меня за плечи, и мы засыпали вместе. А потом мне кто-то рассказал, что видел Кирилла с какой-то женщиной, и я сорвалась. Напилась и сама позвонила Славику. Легче, правда, не стало, но ощущение, что и я кому-то нужна и нравлюсь, все же помогало не сдохнуть от депрессии. Потому что очень хотелось сдохнуть. Невыносимо хотелось. Каждый день. Оказывается, осозна-

вать, что тот, без кого ты не можешь спать по ночам, счастлив без тебя – это адски больно. Не знаю, почему все так обычно относятся к разводам – это же ампутация без наркоза и без наложения швов, и самое страшное – болит намного дольше, и ты истекаешь кровью изнутри, но не умираешь. Может быть, это со мной что-то не так? Но я ужасно переносила это расставание. Мне было бы легче, если бы он умер. Я бы смирилась с этим намного быстрее, чем с тем, что он больше не со мной. Иногда мне хотелось его убить самой. Купить пистолет и спустить ему в сердце всю обойму. Так же красиво, как это показывают по телевизору... а потом я понимала, что лгу сама себе, если бы он умер, я бы вообще с этим не справилась. Пусть живет, сволочь. Где-нибудь там, вдали от меня, с другой женщиной, но живет.

По стеклу заморосил дождь, и я слегка поежилась, обхватывая плечи руками. Нет, в машине не было холодно, но холодно стало мне.

– Что будешь делать, если это он?

– Не знаю. Позвоню его матери. Что-то придумаем. Возможно, заберем его оттуда и перевезем в город.

– То есть ты собираешься этим заниматься?

Я посмотрела на Славика и нахмурилась.

– А кто этим будет заниматься?

– Я уже говорил.

– Говорил. Давай сначала посмотрим, что там вообще происходит и в каком он состоянии. Может быть, он уже что-

то вспомнил или это вообще не Кирилл.

– Черт, как он оказался в этом Мухосранске? Наверное, к очередной бабе поехал.

– Ты специально так говоришь?

– Нет, констатирую факт. У него и раньше были всякие Али, Оли и Тани.

– Ты говорил, что не было.

– Жалел тебя. Не хотел, чтоб изводилась. Ты и так на тень стала похожа.

Очередной удар под дых. Все так же больно и чувствительно, даже в горле комок застрял, и я не могла его проглотить. Действительно захотелось развернуться и поехать домой. Пусть свекровь опознает или шлюха его. Только Светлане Владимировне нервничать нельзя, да и как она сама в это захоlustье... Черт! Интересно, если бы ему позвонили вот так, он бы поехал?

Почему-то подумалось, что нет. Он бы послал туда кого-то из своих людей, а потом, может быть, приехал бы сам.

– Я думал, мы завтра сходим куда-нибудь, Жень. Я билеты купил на концерт «Арии» в самом лучшем месте...

В приемнике заиграла музыка, и я на секунду задохнулась от нахлынувших воспоминаний. Оказывается, все же существует машина времени... несколько вступительных аккордов, и ты уносишься на много лет назад. Словно растворяешься во времени и в пространстве.

Я знаю, что есть что-то в твоей улыбке.

Я понимаю это, взглянув в твои глаза.

Ты построила любовь, но она рухнула.

Твой маленький кусочек небес потемнел.

Прислушайся к своему сердцу,

Когда он зовет тебя.

Прислушайся к своему сердцу,

Ты ничего другого не можешь сделать.

Я не знаю, куда ты собираешься,

И я не знаю – почему,

Но прислушайся к своему сердцу

Прежде, чем сказать ему прощай.

© Listen to your heart. Roxette

Дом тетки стоял на самом берегу, огороженный с обеих сторон высоким белым забором. Если взобраться на насыпь, то открывался вид на небольшой порт. Я любила фотографировать яхты, лодки и корабли, небо в причудливых разводах, море, особенно в шторм. Когда была помладше, представляла, как стою на этой насыпи, смотрю вдаль, а там корабль плывет с алыми парусами. Как в романе Грина. Плывет за мной. Потом перестала ждать. Когда вырастаешь, все меньше и меньше веришь в чудеса, потому что жизнь доказывает, что их не бывает.

Летом любила рассвет. Прохладно, влажно. Легкий ветерок дует, и по воде не волны, а рябь. И солнце только взошло – не печет, не жарит, только слегка ласкает лучами, как крыльями кожи касается. Осторожно, нежно. На небе разводы бруснично-огненные на синей рваной вате облаков. Я по привычке наверх взобралась, устроилась поудобней, настроила объектив.

Только снимать собралась, как услышала рокот мотоцикла. Какой-то парень заехал прямо на песок. Соскочил с мота, швырнул шлем. На ходу сбросил куртку, стянул через голову футболку. Поставил на песок магнитофон и врубил музыку.

Я в объектив посмотрела, приближая изображение. Что он здесь делает? Эта зона закрыта для отдыхающих. Как его охрана пропустила в частные владения? Но, судя по все-

му, таки пропустили. Потому что он и не скрывался совершенно, запрыгнул на одну из яхт, вытащил доски на песок, ведро, инструменты. Я продолжала наблюдать за парнем. Он закатал джинсы до колен и старательно что-то выковыривал на доске, потом запрыгнул обратно на яхту. Послышался стук молотка, а я снова глянула в объектив и затаила дыхание – каждый раз, когда он замахивался молотком, мышцы на его руке сильно напрягались, а у меня почему-то от этого дух захватывало.

Парень меня не замечал, а я вперед подалась, чтоб лучше рассмотреть. Его смуглая кожа лоснилась от пота, а в коротких темных волосах поблескивали солнечные блики. Я не знаю, почему он привлек мое внимание. Возможно, потому что здесь редко кто появлялся из чужих или потому что мне просто понравилось за ним наблюдать. За его движениями, за тем, как перекачиваются мышцы под загорелой кожей. Солнце поднималось все выше и выше. Я видела, как парень смахивает тыльной стороной ладони пот со лба, и сама облизывала пересохишие губы.

А потом он прямо с носа яхты прыгнул в воду. Здесь обычно никогда никто не купался. Только рыбаки выходили в море.

Он долго плавал. Заплыл далеко, потом обратно. На берег вышел, а я пригнулась, чтоб не заметил, и снова рассматривала. Красивый он. Волосы короткие, темные, четкий профиль и тело такое сильное, накачанное. Улегся на

песок, тяжело дыша. В небо смотрит. А я сама не понимаю, как целкаю камерой. В разных ракурсах. То целиком, то части тела. Ноги длинные в мокрых джинсах, сильную руку, закинутую за голову. Капли воды на смуглом, загорелом торсе с рельефом мускулов на плоском животе и этот профиль. Отчужденный. С ровным носом, высоким лбом и чувственными губами.

Он приходил туда каждый день в одно и то же время, а я так же каждый день его фотографировала, пока он лежал на песке и отдыхал. Я гадала кто он такой и сколько ему лет, гадала как его зовут. А по вечерам печатала фотографии с пленок, которые уже успела проявить. Черты его лица, длинные ресницы, четко очерченные скулы и губы. У него были невероятно красивые губы. Они казались мягкими и упругими. К ним хотелось прикоснуться кончиками пальцев и проверить – такие ли они на самом деле. Я представляла себе, как спущусь с насыпи и заговорю с ним, но так и не решилась этого сделать. Нет, я не была робкой, даже наоборот, мне всегда хватало уверенности в себе. Он заметил меня сам. То ли в объективе сверкнул солнечный луч, то ли просто посмотрел в мою сторону. Я тут же спрятала фотоаппарат за спину, когда увидела, как он на меня смотрит.

– Эй. Ты что там делаешь? – крикнул мне и прикрыл глаза от солнца рукой, сжимая в другой лобзик и поднимаясь во весь рост.

– Тебя фотографирую, – крикнула я.

Он рассмеялся, продолжая прикрывать глаза рукой.

– А чего прячешься?

– Я не прячусь. Отсюда ракурс замечательный. Ты работай-работай. Не отвлекайся.

Усмехнулся и снова склонился над досками, а мне показалось, что сердце заколотилось где-то в районе горла. Музыка орала на весь пляж, и от нее хотелось вспорхнуть и улететь.

Теперь парень изредка бросал на меня взгляды и улыбался, а у меня от его улыбки дух захватывало, а пальцы щелкали и щелкали, то приближая, то отдаляя изображение. А он вдруг крикнул мне, положив молоток и вытирая лицо о плечо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.